

Мария Ерова

**МОРОЗ-КНЯЖЕ.
ПОДАРЕННАЯ КНЯЗЮ
ХОЛОДА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Е76

Е76 **Ерова М.**
Мороз-княже. Подаренная князю холода / Мария Ерова – М.: Литнет, 2025.
– 220 с.

ISBN 978-5-521-93598-7

Жизнь Дарины, обычной девушки из неблагополучной семьи, резко меняется, когда душа её попадает в тело Дарьи – девицы, отданной против воли по страшной традиции в дар князю холода. Дарина обретает новое тело, но вместе с тем ненависть односельчан, обвинивших её в неисполнении традиций и нарушении привычного порядка вещей, ведь в ту ночь она должна была умереть....

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93598-7

© Литнет, 2025
© М. Ерова, 2025

Пролог

Большой костёр разгорался среди вековых сосен, бросая тени на сосредоточенные, покрытые морщинами, лица старейшин, что стояли вокруг него. Все остальные жители Людовки находились чуть поодаль, с замиранием сердца ожидая, какова на этот раз будет воля богов. И кого они выберут для её исполнения. Холод стоял жуткий, но никто не тронулся с места, ведь сейчас, в этот самый миг, решалось, кому завтра будет суждено умереть.

Дело касалось только молодых незамужних девушек, ведь именно их приносили в деревне в жертву тому, кто, как считалось, приняв её, спасёт остальных людей от лютой смерти. Но каждая из этих потенциальных жертв была чьей-то дочерью, сестрой, и каждый боялся потерять то самое дорогое, что было у него в жизни. Своего родного человека...

Этот жуткий обряд проводился каждую зиму, и каждый раз после этого собрания вече кто-то умирал. Поэтому зиму не любили, её ждали с ужасом и содроганием, но деваться людям было некуда. И в январе, сразу после наступления нового года, вся деревня собиралась здесь, на окраине леса, чтобы вознести хвалу богу зимнего холода и узнать его волю на этот раз.

В этот раз старейшины не слишком торопились, но оно было понятно. Нельзя подгонять богов, нельзя торопить. Их дела – небесные, не то, что земные – людские...

Однако у большинства нервы были на пределе. Матери прижимали к себе своих дочерей, зажимая себе рот рукой, чтобы не разреваться раньше времени. Парни были хмуры. Отцы – напряжённые. Что касается самих девиц, то многие из них уже были ни живы, ни мертвы, от страха ли или от холода, не так уж и важно. Они просто хотели поскорее услышать приговор и разойтись по домам, вздохнув с облегчением. И лишь одной семье в эту ночь спать было не суждено.

И вот, когда время пришло, выхватил главный из старейшин из самого сердца костра огромную горящую палку и, вознеся её к небу, произнёс:

– Да свершится воля богов! Дочери мои, подойдите ко мне...

Девушки, зарыдав, оставили своих родных и двинулись к жрецу под вой матерей и скрежетание зубов отцов. Обступив его кругом, они со страхом и благоговением замерли, ожидая страшного приговора. И тогда старейшина, поднеся пылающую палку к первой из них, принялся терпеливо ждать. Но огонь разгорелся лишь ярче, и старик тогда подошёл к другой.

Та, первая девушка, разрыдалась пуще прежнего, но теперь на её лице засияла улыбка – не её выбрал Мороз-княже, а, значит, будет она жить дальше! Родственники её облегчённо выдохнули, словно не веря своему счастью, загоготали, обрадовавшись!

Но тут же умолкли, потому как старейшина шикнул на них, поднося огонь ко второй девушке. История повторилась, и вот уже две счастливых семьи готовы были пуститься в пляс, да только ничего ещё не закончилось.

Так старик переходил от одной девы к другой, пока не остановился возле Дарьи – первой красавицы на деревне, которой едва восемнадцать стукнуло, скромной девушке, что росла без матери, но с отцом и мачехой. Та не дрожала подобно остальным. Напротив, она смело глядела в глаза старейшины, а на её губах играла кроткая полуулыбка. Тот, замешкав, словно совсем позабыл, чем здесь занимался. И тогда Дарья, кивнув старицу, тихо прошептала:

– Смелее, дед Никодим! Ну же...

И тот поднёс ярко горящую палку к груди девушки. Огонь замер на подходе, а после, едва не коснувшись её груди, вспыхнул и погас, ознаменовав тем самым завершение обряда.

Кто-то ахнул в толпе, бабы захохали, и по воздуху пополз запах горького дыма.

– Нет... – прошептала Дарья, взглянув прямо в глаза старейшине. Но тот был растерян не меньше её и, кажется, расстроен...

Однако ему пришлось взять себя в руки и, схватив девушку за запястье, он торжественно провозгласил:

– Боги сделали свой выбор! Дарья, дочь Казимира, на этот раз тебе выпала честь спасти нашу деревню от лютого холода и стать той, кому уготовано стать верной женой самому князю Морозу! Несите, люди, свои дары! Собирайте невестушку в дальний и последний путь!

Это было последнее, что Дарья услышала перед тем, как провалиться в непроглядную пустоту, оказавшись в объятиях своего отца, что был в тот миг вне себя от горя. И лишь кривая усмешка мачехи рассказала ей о том, что без неё тут дело не обошлось. И если кого ей и предстоит «благодарить», так это её, змеюку, что обманом пробралась на место её матери, едва та отошла в мир иной.

Глава 1

Лёгкая дымка стелилась над стадионом полупрозрачным туманом. Отсюда, с самых верхних рядов, было отлично видно, как кажущиеся маленькими фигуры людей, рассекали на коньках обильный, залитый ещё в начале устоявшихся морозов, каток. Им было весело – и влюблённым парочкам, что, держась за руки, едва удерживали равновесие. Причём некоторые явно изображали из себя новичков, чтобы в очередной раз прижаться к своему партнёру, а, возможно, и поцеловать его или её, и со стороны это выглядело очень романтично.

Молодые родители подбадривали детей, что боялись впервые ступить на лёд, вцепившись в них мёртвой хваткой. Другие, напротив, пытались догнать своих неугомонных чад, что, научившись, гоняли туда и обратно со скоростью света, рискуя себя покалечить.

Всё это было жизнью, простой и весёлой. И я с удовольствием наблюдала за ней каждый вечер, приходя сюда, покупая стаканчик горячего кофе без сахара из автомата и забираясь подальше от людских глаз. Фонари подсвечивали мне «ледовые шоу», повторяющиеся каждый день. Менялись лишь фигуры и лица, а жизнь шла своим чередом, почему-то обходя меня стороной. Да ладно бы, если она совсем меня не замечала, нет. Жизнь словно лишала меня всевозможных радостей, зато неудачи и испытания посылала с лихвой. И мне не хотелось возвращаться домой, а потому я мёрзла здесь каждый божий день, чтобы хотя бы порадоваться за людей, у которых всё в жизни шло благополучно. И немного отвлечься от собственного жалкого существования и судьбы, что была мне уготовлена.

Но время шло, и домой всё равно пришлось возвращаться. Я и не заметила, как заоченела на ветру, и даже горячий кофе

не помог, раз я с трудом смогла расцепить свои пальцы. Взглянув на электронный градусник, что располагался над одним из входов на стадион, я с удивлением увидела тревожную цифру «-29°», и, поёжившись, поспешила туда, где было хотя бы тепло. То есть, домой.

Когда я говорила про тепло, то имела ввиду именно тот жар, что выделяли батареи, а вовсе не душевное времяпрепровождение всех членов моей семьи. Да и семьёй-то нас сложно было назвать: я, студентка третьего курса экономического колледжа, отчим дядя Миша, которого я не видела трезвым и свежим никогда в жизни и моя собственная мать, что, устав сопротивляться пьянству второго супруга, тоже пошла по его стопам, и теперь они квасили на пару без обеда и выходных. Надо ли говорить, что ни тот, ни другая, давно не работали, живя на какие-то сомнительные пособия и побираясь по таким же друзьям и знакомым. Порой мне это казалось невыносимым, и всё же я не знала, куда мне ещё пойти.

Запах перегара я почувствовала ещё задолго, как подойти к двери в нашу квартиру. Он сочился именно оттуда, а несмолкающий, ревущий во всю мощь колонок, старый музыкальный центр, только подтверждал то, что в моём доме сейчас в самом разгаре очередная гулянка.

Дверь была не заперта – мои «предки» ждали всех и каждого, кто мог бы принести им очередную бутылку крепкого, а брать у нас всё равно было нечего, поэтому воров они не боялись. Всё, что можно было продать и пропить, родители уже спустили. Осталось только самое необходимое: минимальный набор посуды и одежда. Я ещё удивлялась, как у нас «коммуналку» не отключили, с такими-то задолженностями, но подозревала, что это было дело времени.

Войдя в прихожую, я ещё не успела снять с себя верхнюю одежду, как из туалета, покачиваясь, нетвёрдой походкой вырулил дядя Миша. Когда его взор сфокусировался на мне, он даже обрадовался. Но вовсе не моему возвращению.

– Дашка! Ну, наконец-то! – воскликнул он, держась за угол с грязными, залапанymi обоями. – Будь другом, сбегай за...

И он подмигнул мне, всем своим видом намекая, что я, по его мнению, должна была принести.

– Ну уж нет! – запротестовала я, зная, что он вряд ли отстанет. – Там такой морозище, что хороший хозяин и собаку на улице не выгонит...

– Так ты и не собака! – заплетающимся языком сообщил он. – Дочь... Почти.

– Ага, как же! – я напряглась внутренне, желая как можно скорее прошмыгнуть в свою комнату, чтобы закрыться в ней до утра. – И на что я должна вам эту гадость покупать? Деньги-то откуда? Вы с матерью ещё на прошлой неделе всё спустили...

– Так ты же стипендию получила, ёк-макарёк! – выругался дядя Миша. – неужто для родной матери пары сотен жалко?! Родили тебя, растили... Эх...

– Ночей не спали, – передразнивая его, продолжила я. В этот момент, откуда-то из глубины квартиры послышался заунывный голос матери – она пыталась вытянуть какой-то хит из девяностых, но это у неё с трудом получалось.

– Слышишь? – попытался надавить на жалость дядя Миша. – Знаешь ведь, как утром ей плохо будет. Сбегай по-быстренькому...

Но ни желания куда-то идти, ни тратить понапрасну последние деньги, на которые я питалась, покупала учебные принадлежности, у меня не было. Я уже сняла шапку и повесила на вешалку куртку. Обувь снималась плохо – молния на сапогах то и дело заедала, а потому я решила разуться уже в своей комнате, чтобы поскорее избавиться от навязчивого общества отчима.

Я как раз хотела пройти мимо него, как вдруг почувствовала удар о стену. Комната закружилась перед глазами, а затылок пронзила боль. Дядя Миша, ухватившись рукой за волосы, резко развернул меня к себе, слишком проворно для столь пьяного человека.

– Слышишь, дрянь? – прошептал он мне в лицо, выдохнув тошнотворным перегаром. – Или сейчас ты пойдёшь и принесёшь мне то, что я говорю. Либо я позову своих друзей, и мы устроим тут праздник, забавляясь с тобой один за другим... Или все вместе, как уж получится. И никто, никто тебя не спасёт, маленькая паскуда! А, может быть, ты этого и добиваешься, а? Хочешь, чтобы я тебя приласкал?

И он полез ко мне с поцелуем, ещё крепче сжав мои волосы. Свободная же рука его отправилась шарить по моему телу, бессовестно щупая, хватаясь за грудь и приближаясь к самому сокровенному...

– Нет! – не знаю, как мне хватило сил, чтобы вырваться из железной хватки пьяного негодяя, да только он, пошатнувшись, не удержался на ногах и рухнул на пол.

Из комнаты вновь раздалось пьяное пение моей матери. Нет, это было просто невыносимо! Я схватила шапку и куртку, и пока отчим корчился на полу, пытаюсь подняться, я вновь выбежала в ночь, уже зная, что больше сюда не вернусь. Дом, превратившийся в какой-то филиал ада, больше не был мне родным, и я, застёгивая на ходу куртку и обливаясь слезами, отправилась куда глаза глядят, не зная, что мне делать дальше.

Глава 2

Дарья сидела, словно уже померла, глядя в одну точку на стене. Вокруг неё кружилась настоящая суета, её уговаривали, заплетали косы, наряжали, как невесту, которой она сейчас, по сути, и являлась, пели заунывные песни, но ко всему тому девица была безучастна. Люди без устали несли дары к дверям её дома, готовые отдать последнее лишь за то, что жребий пал не на их дом – такова была традиция и обычай. То есть приданное собирали Дарье всей деревней, чтобы собрать невесту по законам людским, и отправить в руки богов.

Дарья не плакала, глаза её давно выплакали все слёзы, и теперь лишь тупая боль лежала на голове неприподъёмным грузом. Хуже было лишь отцу – всё это время он сидел напротив своей дочери, которой была уготована страшная судьба. Казимир ни произнёс ни слова с тех пор, как они вернулись с собрания, ведь Дарья была его единственной дочерью, и именно ею он должен был пожертвовать на всеобщее благо.

Пуще всех суетилась Люта – вторая жена отца. Она словно даже была рада тому, что жребий выпал на Дарью – не возлюбила она девицу с первого взгляда, вот как увидела – так сразу и не возлюбила! В чём причина была того, девушке было неизвестно. Знала она лишь, что с тех пор, как Люта в их доме поселиться, житья спокойного ей не будет. Тем более что у той своя дочка имелась...

Желана была тихой, бледненькой девицей семнадцати лет отроду, тощей да неказистой. И на фоне Дарьи – фигуристой румяной сводной сестры, вовсе терялась, превращаясь в бесплотного духа. Слова от неё было не услышать – так тиха и болезненна была Желана, и не то, что Дарья с ней не ладила, нет. Бывало,